

УДК 316.346.32

ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК РЕФЛЕКСИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

LIFE PLANS OF RUSSIAN YOUTH AS A SELF-REFLECTION OF SOCIAL STATUS

А.Э. Ушамирский**A.E. Ushamirsky**

Волжский институт экономики, педагогики и права, Россия, 404111, Волжский, ул. Советская ,6

Volzhsk Institute of Economics, Pedagogy and Law, Sovetskaya St,6, Volzskij, 404111, Russia

E-mail: viepp@list.ru

Аннотация

Рассматривается проблема формирования жизненных планов современной российской молодежи. При всем многообразии моделей их построения отмечается возможность выделить некоторые общие тенденции, главной из которых является противоречивое восприятие собственного статуса. С одной стороны, молодые люди в большинстве своем хорошо адаптируются в обществе, с другой – мечтают о его изменении, связанном с необходимостью избавления от симуляций человеческих отношений. В данном контексте жизненное планирование выступает как рефлексия социального статуса, на основе матрицы, базовыми установками которой являются: завышенный индивидуализм и прагматизм, вестернизированные стереотипы, ситуативное мышление. В эмпирическом отношении статья опирается на результаты социологического исследования «Интересы современной молодежи», проведенного в 2016 году методом анкетирования в Волгоградской области; опрошены молодые люди в возрасте 14 – 29 лет (n = 501); выборка многоступенчатая, квотная, а также исследования «Проблема защиты интересов молодежи в конфликтах» в Волгоградской и Белгородской областях (n – 500), 2016 год.

Abstract

In this article we consider the problem of the formation of life plans of modern Russian youth. It is noted that with all their variety of models for their formation, there is possibility to single out some general trends, the main one is the controversial perception of own status. On the one hand, most young people adapt well to society, on the other hand, they dream about its change, connected with the need to get rid of the simulations of human relationship. In this context, life planning acts as a self-reflection of social status, based on a matrix, the basic settings of which are: excessive individualism and pragmatism, westernized stereotypes, contextual thinking. The empirical side of the article is based on the results of a sociological survey "The interests of modern youth", undertaken in 2016 through questionnaires in Volgograd Oblast; young people aged 14-29 (n = 501) were interviewed; the multistage, quota sample was effected, also on the results of a sociological survey "The problem of protecting the interests of youth in conflicts", conducted in Volgograd Oblast and Belgorod Oblast (n-500), in 2016.

Ключевые слова: молодежь, жизненные стратегии, жизненные планы, индивидуализм, прагматизм.

Keywords: youth, life strategies, life plans, individualism, pragmatism.

Введение

Проблемы жизненных планов и стратегий современной российской молодежи постоянно находятся в фокусе внимания исследователей. Во-первых, потому, что анализ их позволяет в какой-то мере прогнозировать тенденции развития будущего общества, носителем которых выступают молодые люди. Во-вторых, в силу естественного желания по-

нять молодежь, которая всегда своим поведением, не укладывающимся в традиционные рамки, задавала множество вопросов «взрослым» поколениям, чьи представители, как правило, забывали о своем юношестве. «Взрослых» начинает обычно пугать молодежный нонконформизм, ниспровергающий социальную норму, «назначением которой является регуляция поведения индивида и группы» [Ковалева, Луков, 1999, с. 235]. Он ставит под сомнение устоявшиеся отношения и связи. В результате возникает своеобразная ювенофобия, на основе которой формируются многочисленные иллюзии относительно молодежных намерений – от сожалений по поводу обреченности молодежи на системное прозябание [Молодежь России..., 1997, с. 19] до ее репрезентаций как лидирующей группы общества [Козлов А.А., 1997, с. 10].

Между тем, социология молодежи, имеющая множество направлений и школ [Социология молодежи, 2008, с. 461 - 466], должна базироваться на максимально адекватном представлении о молодежном статусе и жизненных планах молодых людей, чтобы иметь возможность формулировать реальные рекомендации относительно регулирования и саморегулирования жизненных стратегий в нестабильной социальной среде.

Методика

Методологической основой настоящей работы является концепция субъектности молодежи, согласно которой она понимается ими как способность общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности [Ковалева, Луков, 1999: 146]. Субъектность является предпосылкой творческого преобразования жизни - жизнестроительства: «Проявление творческого начала, выраженного в способности быть не только объектом влияния объектом влияния, но и активным субъектом воздействия на самого себя и окружающий мир, составляет основу социальной субъектности в духовной сфере», - заключает Ю.А. Зубок [Молодежь российского региона, 2007: 20].

В эмпирическом отношении статья опирается на результаты социологического исследования «Интересы современной молодежи», проведенного в 2016 году методом анкетирования в Волгоградской области; опрошены молодые люди в возрасте 14 – 29 лет (n = 501); выборка многоступенчатая, квотная, а также исследования «Проблема защиты интересов молодежи в конфликтах» в Волгоградской и Белгородской областях (n – 500), 2016 год.

Основная часть

Российская молодежь существенно дифференцирована в социальном и, особенно, в социокультурном отношении. Именно поэтому отдельные группы молодежи выбирают существенно отличающиеся друг от друга жизненные стратегии [Бабинцев, Реутов, Бояринова, 2007: 5]. Тем не менее, представляется возможным говорить о некоторых общих тенденциях определения молодыми людьми своих жизненных планов, как о важнейшем элементе формирования их социальной субъектности. В данном определении существенную роль играет восприятие молодыми людьми своих жизненных обстоятельств, характер которых в значительной степени детерминирует их жизненные цели.

Это восприятие крайне противоречиво. С одной стороны, молодые люди демонстрируют высокий уровень социальной адаптации. В процессе исследования «Проблема защиты интересов молодежи в конфликтах» только 10% респондентов отнесли себя к молодым людям, живущим трудно, но борющимся за свое будущее, и лишь 4% заявили: они представляют молодежь, не имеющую перспективы в жизни. Все остальные рассматривают себя как в той или иной мере успешных молодых людей.

С другой стороны, они в большинстве своем заявляют о неудовлетворенности обществом, в котором живут. В частности, в ходе проведенного нами исследования «Интересы современной молодежи» данную позицию разделяли 68% респондентов, при этом еще 14% затруднились ответить или не ответили на вопрос. Главными причинами своей

неудовлетворенности обществом молодые люди называют распространение коррупции (29%), постоянные ложь и обман (28%), резкое разделение на богатых и бедных (22%), подмену реальных дел имитациями (20%), опасность терроризма (19%), отсутствие свободы (19%).

Таким образом, основные мотивы неприятия молодежи современного российского социума связаны не с внешними угрозами их жизни, но с неблагоприятной духовной атмосферой, в основе которой лежат дефицит доверия между людьми, симуляция человеческих отношений и массовые фальсеоинтеракции, представляющие собой особый тип социального взаимодействия, «в основе которого лежит осознанность фальши (лжи, обмана) и добровольное принятие этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации» [Каширина, 2014: 76].

Таким образом, потенциальной основой социального протеста молодежи является неприятие социальной лжи, что вполне естественно для юношеского возраста. И примечательно, что 64% молодых людей хотели бы изменить общество, в котором они живут. Однако, как показывают проведенные исследования, это чисто умозрительное стремление существенным образом нивелируется жизненными обстоятельствами и особенностями ценностно-целевых установок молодых людей.

Стандарты общества потребления диктуют иные, конформистские жизненные стратегии и жизненные планы. В своем абсолютном большинстве молодые люди ориентированы не на протест, но на карьеру (32%), богатство (20%), перспективу стать квалифицированным специалистом (18%), семейное счастье (14%).

Представляется, что подобная структура жизненных планов современной российской молодежи может рассматриваться как рациональная рефлексия своего жизненного статуса. При этом вслед за Т.И. Морозовой мы понимаем рефлексия как способ приватизации молодежью социокультурного пространства, связанный с тем, что «практикующие ее молодые люди конструируют особый мир ценностей и смыслов, который обычно возводится к какой-либо матрице» [Морозова, 2012: 98]. Ключевыми параметрами этой матрицы, на наш взгляд, являются следующие:

- индивидуализм и прагматизм, отражающие общие тенденции социокультурного развития российского общества, в котором, как отмечает М.К. Горшков «доминируют характерные для традиционалистского сознания установки на зависимость от внешних по отношению к самому человеку обстоятельств, повлиять на которые он не может, внешний локус-контроль, патерналистские ожидания» [Горшков, 2011: 292]. В контексте подобного восприятия реальности девальвируются коллективистские, социетальные, по сути, жизненные ценности и смыслы. Показательно, что, по данным наших исследований, принести пользу человечеству и своей стране хотели бы только 9% молодых людей. Несомненно, индивидуализм стимулирует процесс обретения молодежью субъектности. Молодые люди все более ориентируются на себя, а не на обстоятельства. Так, в ходе исследования больше всего сторонников (25%) получил следующий принцип организации жизни - надо не обращать внимания на обстоятельства и идти своей дорогой. И только 14% - надо уметь приспособиться к любым условиям и использовать их в своих интересах. Но нельзя не заметить, что индивидуализация и прагматизация сознания и поведения стимулируют в обществе социальную дизъюнкцию – распад социальных связей, в условиях которого невозможно расширенное воспроизводство социума;

- доминирование вестернизированных жизненных стандартов, в основе которых лежит транслируемое телевидением и рекламой представление о том, что «уметь жить» - значит «иметь»: носить модную одежду, посещать дорогие клубы и дискотеки, не утруждать себя тяжелой работой» [Запесоцкий, 2011: 12]. В результате в российском обществе все более утверждается унифицированный западный эталон организации жизни, точнее, очередной симулякр, поскольку транслируемый массовой культурой универсальный образец зачастую имеет мало общего с реальной действительностью европейских и североамериканских обществ. Тем не менее, он становится все более привлекательным для молодежи.

жи, а люди, с которыми он ассоциируются, - примером для подражания. Показательно, что в ходе нашего исследования 12% молодых людей (наивысший показатель) указали в качестве такого примера деятелей шоу-бизнеса. Отметим, что людям искусства подражают только 8% респондентов. При этом, несмотря на усилия по патриотическому воспитанию, тенденция вестернизации сознания молодежи усиливается. Это проявляется, в частности, в том, что 18% молодых людей идентифицируют себя с гражданами мира, 10% - с европейцами; россиянами считают себя 28% респондентов;

- ситуативное правовое и нравственное сознание, заключающееся в том, что молодые люди в своем жизненном выборе ориентируются не на нормы, а на обстоятельства. Так, в ходе нашего исследования только 54% молодых людей признали: нормы морали следует соблюдать в любых обстоятельствах; относительно норм права данный показатель составил 64%. При этом нарушение правил молодые люди обосновывают главным образом тем, что они противоречат принципам субъекта социального действия, демонстрируя установку на квазисубъектность, выражающуюся в попытке поставить интересы отдельной личности над социальными нормами. Опасность ситуативного мышления заключается в том, что оно «существенно ограничивает регулятивный потенциал личности, поскольку в его контексте саморегуляция и самоконтроль рассматриваются почти исключительно как приспособление к обстоятельствам. Подобная установка довольно естественна в обществе повышенного риска, когда трудно просчитать последствия своих действий. Но она бесперспективна в стратегическом отношении, поскольку не позволяет строить долгосрочные жизненные планы» [Морозова, 2012: 93]. По сути, такой подход изначально деструктивен и антисоциален.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что процесс формирования и последующей реализации жизненных планов современной молодежи изначально противоречив, что довольно адекватно отражает противоречивый характер российской действительности. В этих условиях молодые люди, с одной стороны, максимально ориентируются на внешние обстоятельства, подвержены манипуляции традиционных и электронных СМИ, массовой культуры. С другой стороны, стараются максимально продемонстрировать свою субъектность, способность к жизнетворчеству.

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что современная российская молодежь в большинстве своем не вполне адекватно рефлексивует собственный жизненный статус, руководствуясь матрицей, в основе которой лежат завышенный индивидуализм и прагматизм, вестернизированные стереотипы, ситуативное мышление.

Список литературы References

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. 2007. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. Белгород: КОНСТАНТА. 160 с.
Babintsev V.P., Reutov E.V. and Boyarinova I.V. 2007. Sotsial'noe autsayderstvo molodezhi pogranichnogo regiona: problemy diagnostiki i regulirovaniya. Belgorod, KONSTANTA. 160 p. (In Russ.).
2. Горшков М.К. 2011. Российское общество как оно есть: опыт социол. диагностики. М. : Новый хронограф. 671 с.
Gorshkov M.K. 2011. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est': opyt sotsiol. diagnostiki. Moscow, Novyy khronograf. 671 p. (In Russ.).
3. Запесоцкий А.С. 2011. Молодежь России: проблемы социализации // Социология образования. № 11. С. 4-17.
Zapesotskiy A.S. 2011. Molodezh' Rossii: problemy sotsializatsii. Sotsiologiya obrazovaniya, no 11, pp. 4-17. (In Russ.).

4. Каширина М.В. 2014. Современный российский вуз как сфера генезиса фальсеоинтеракций // Социология образования. № 10. С. 76 - 86.
Kashirina M.V. 2014. Sovremennyy rossiyskiy vuz kak sfera genezisa fal'seointeraksiy. Sotsiologiya obrazovaniya, no 10, pp. 76 - 86. (In Russ.).
5. Ковалева А.И., Луков В.А. 1999. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М.: Социум. 351 с.
Kovaleva A.I. and Lukov V.A. 1999. Sotsiologiya molodezhi. Teoreticheskie voprosy. Moscow, Sotsium. 351 p. (In Russ.).
6. Козлов А. А. Молодежь – лидирующая группа общества // Человек и общество: тенденции соц. изменений : материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24-26 сент. 1997 г. – СПб. ; Минск ; Ростов н/Д, 1997. – Вып. 2: Проблемы молодежи и образования, ч. 1 : Молодежь и общество. – С. 8-12.
Kozlov A. A. Molodezh' – lideruyushchaya gruppya obshchestva. Chelovek i obshchestvo: tendentsii sots. izmeneniy : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 24-26 sent. 1997 g. – SPb. ; Minsk ; Rostov n/D, 1997. – Вып. 2: Problemy molodezhi i obrazovaniya, ch. 1 : Molodezh' i obshchestvo. – pp. 8-12. (In Russ.).
7. Молодежь России 97: надежды и разочарования. 1997. М.: Научно-исследовательский центр при Институте молодежи. 339 с.
Molodezh' Rossii 97: nadezhdy i razocharovaniya. 1997. Moscow, Nauchno-issledovatel'skiy tsentr pri Institute molodezhi. 339 p. (In Russ.).
8. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии: моногр. 2007. Белгород: Издательство БелГУ. 276 с.
Molodezh' rossiyskogo regiona: dukhovnye miry i zhiznennye strategii: monogr. 2007. Belgorod, Izdatel'stvo BelGU. 276 p. (In Russ.).
9. Морозова Т.И. 2012. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. Белгород: ИД «Белгород». 360 с.
Morozova T.I. 2012. Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona. Belgorod, ID «Belgorod». 360 p. (In Russ.).
10. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. 2008. М.: Academia. 608 с.
Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar' / otv. red. Yu.A. Zubok i V.I. Chuprov. 2008. Moscow, Academia. 608 p. (In Russ.).